СЕРП
ЭДУАРД СЕРОУСОВ

Эдуард Сероусов
Серп

https://litres.ru/74131529
SelfPub; 2026

Аннотация

Семнадцатилетняя Аня считает дни до отъезда из дома, где всё вращается вокруг её младшего брата Лёвы — восьмилетнего мальчика с редкой митохондриальной болезнью, умеющего «затихать» лучше всех. До свободы остаётся сорок три дня, когда над городом встаёт молчащий небесный хребет — не корабль, не гость, не собеседник. Мир готовится к войне или переговорам, но пришедшее не собирается ни воевать, ни говорить. Небо просто пришло собрать урожай. Жёсткая, холодная и болезненно человечная повесть-катастрофа о хрупкости, о том, что такое настоящее взросление под чужим равнодушным взглядом, и о цене одного взрослого выбора, который не сулит ни спасения, ни утешения.

Содержание

Часть 1. Счёт 5
Часть 2. Жатва 18
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Эдуард Сероусов
Серп

«Они не умирают. Они просто ждут». — так говорил мой брат про существ, которых любил.

Часть 1. Счёт

Сорок три дня. Столько оставалось до отъезда — и, как выяснилось позже, ровно столько же до того, как небо перестанет быть небом. Но в тот вечер я знала только первое число и повторяла его про себя, как считают не дни до свободы, а шаги до двери, за которой наконец можно будет не думать ни о ком.

Я вела счёт в телефоне, зачёркивала цифру каждое утро. Это было единственное, что принадлежало мне целиком.

На кухне пахло варёной морковью и лекарствами — у нас всё пахло лекарствами, даже хлеб, даже я сама, если долго не выходила из квартиры. Мать разливала суп по трём тарелкам, потом спохватывалась и наливала четвёртую, себе, последней, как всегда последней. Отец сидел, не сняв рабочую куртку, и смотрел в стол так, будто в столешнице был ответ на вопрос, который он давно перестал задавать вслух.

— Аня, позови брата.

— Лёва! Жрать!

— Не говори так, — сказала мать без выражения. Она говорила это лет пять и уже не ждала, что подействует.

Лёва пришёл. Восемь лет, прозрачная кожа, под ней синие ниточки вен на висках — я знала их наизусть, эту карту, которую все в доме читали по сто раз на дню: не бледнее ли сегодня, не синее ли. Он сел, подтянув колени к груди, и

стал смотреть в тарелку так же, как отец, только у отца это была усталость, а у Лёвы — расчёт. Он прикидывал, сколько сможет съесть, чтобы потом не стало плохо.

— Морковь, — сказал он с отвращением, каким только восьмилетний умеет наделить овощ.

— Ешь, — сказала мать.

— От неё я оранжевый внутри.

— Ты и снаружи скоро будешь оранжевый, если не начнёшь есть, — сказала я, и он фыркнул, и на секунду это была просто семья, просто ужин, четыре человека и суп, и никакой карты вен, и никакого счёта в моём телефоне.

Секунда прошла.

Отец поднял голову.

— Марина Сергеевна звонила из школы. Насчёт продлёнки для Ани, чтобы она с Лёвой…

— Я уезжаю, — сказала я. — Через сорок три дня. Ты помнишь, что я уезжаю?

Тишина. Мать не перестала есть, но ложка её замедлилась, будто суп загустел.

— Аня, — сказал отец.

— Я поступила. У меня общежитие. Место. Всё. — Я слышала свой голос и ненавидела его — тонкий, злой, готовый сорваться. — Вы всё время говорите так, будто это ещё обсуждается.

— Никто не говорит…

— Все говорят. Каждый день. «Аня посидит», «Аня отве-

дёт», «Аня останется». Я не остаюсь. Я уезжаю.

Лёва смотрел на меня. Не обиженно — внимательно, тем своим взглядом, которым он смотрел на всё непонятное, будто хотел разобрать и посмотреть, что внутри. Я отвернулась первой. Я всегда отворачивалась первой, потому что если смотреть на него слишком долго, начинаешь чувствовать эту тягу вниз, эту нить, привязанную к запястью, и хочется её перегрызть, и стыдно, что хочется.

Я грызла ногти. Мать однажды сказала, что я обкусываю их до крови, потому что нервная. Я не нервная. Я считаю. Ногти — это тоже способ считать, только руками.

— Хорошо, — сказал отец тихо. — Хорошо. Ты уезжаешь.

И я поняла по тому, как он это сказал, что он мне не верил. Что никто из них не верил. Что где-то в глубине они уже вписали меня в расписание Лёвиной жизни — навсегда, на все годы, пока он будет хрупким, а он будет хрупким всегда, — и мои сорок три дня были для них капризом, который рассосётся сам.

Я доела молча. Считала ложки. Восемь, девять, десять. Вышло ровно.

После ужина отец ушёл на балкон.

У нас на балконе была его мастерская — верстак, тиски, банки из-под кофе, полные гвоздей, рассортированных по размеру. Отец всё сортировал, всё раскладывал по местам,

будто, если держать вещи в порядке, и жизнь удержится в порядке. Он чинил там всё, что ломалось, а ломалось у нас всё, потому что на новое не было денег: деньги уходили на Лёву, на лекарства, на анализы с длинными названиями, которые я так и не выучила.

Лёва пошёл за ним. Он всегда шёл за отцом на балкон — это было их, только их, — садился на низкий табурет и смотрел, как отец работает, и задавал вопросы, на которые никто, кроме отца, не отвечал всерьёз.

Я осталась в дверях. Не потому, что хотела быть с ними, — я говорила себе, что не хочу, — а потому, что уходить было ещё рано, а идти всё равно было некуда.

— Пап, а почему гвозди ржавеют?

— Потому что железо хочет обратно в землю. — Отец не отрывался от работы, зажимал что-то в тисках. — Его из руды достали, выплавили, а оно всё равно помнит, откуда взялось. И тянется назад. Ржавчина — это железо, которое возвращается домой.

— А мы тоже хотим обратно в землю?

Отец поднял голову. Посмотрел на Лёву долго — тем взглядом, которым смотрел на него всегда, будто украдкой проверяя, тут ли он ещё, дышит ли, не синее ли сегодня.

— Все возвращаются, — сказал он. — Когда-нибудь. Всё живое — из земли и обратно в землю. Но не сейчас, слышишь? Сейчас мы тут. — Он подмигнул. — Держи-ка. Только по пальцу себе не заедь, а то мать нас обоих со свету сжи-

вёт.

Он дал Лёве молоток — маленький, свой запасной, — и Лёва взял его обеими руками, серьёзный, как хирург, и стал забивать гвоздь в деревяшку, которую отец подложил специально, чтобы было чем занять руки, чтобы Лёва чувствовал себя не стеклянным, не тем, кого нельзя, а тем, кому можно молоток.

Гвоздь гнулся. Лёва бил криво, вскользь, гвоздь заваливался набок, и отец, не глядя, поправлял его двумя пальцами и говорил: «Не спеши. Прицелься и бей», — и Лёва прицеливался, высунув язык, и бил, и гвоздь входил на миллиметр, и Лёва сиял так, будто построил дом.

Я смотрела на это и чувствовала две вещи сразу, и они не мирились друг с другом. Одна была злая: вот, опять всё вокруг него, даже гвоздь — событие, потому что это Лёва, потому что Лёве можно, потому что Лёва хрупкий, а раз хрупкий — значит, всё внимание ему, всегда, а я просто есть, я здоровая, меня можно не замечать. Другая была не злая совсем, и её я стыдилась больше, чем злой. Она смотрела, как отец поправляет кривой гвоздь двумя пальцами, как Лёва высовывает язык, — и таяла, и хотела остаться в дверях подольше, и уже знала, что будет скучать по этому так, что задохнётся.

Я задавила вторую. Я всегда задавливала вторую — это было легче, чем с ней жить.

— Аня, — позвал отец, не оборачиваясь. — Иди сюда.

Подержишь.

— У меня уроки, — соврала я.

Он не стал спорить. Он никогда не спорил — просто кивнул и вернулся к работе, и я ушла в комнату, к телефону, к цифре, которую можно зачеркнуть. Сорок два. Я легла и слушала через стену, как они возятся на балконе, как стучит кривой молоток, как отец смеётся негромко, и как Лёва спрашивает что-то ещё про землю, про железо, про то, что возвращается, — и думала, что через сорок два дня меня тут не будет, и не буду я слушать этот стук через стену, и это хорошо, это то, чего я хочу.

Я и правда думала, что хочу.

Мне было семнадцать, и я не знала, что запомню этот вечер до последнего гвоздя. Что буду доставать его из памяти снова и снова, как достают из кармана единственную уцелевшую фотографию, — балкон, тиски, кривой молоток, отца, сказавшего: все возвращаются, но не сейчас.

Он ошибся только в сроке.

Приступ случился ночью, как они обычно и случались, — будто болезнь ждала, когда дом уснёт и некому будет держать лицо.

Я проснулась от звука. Не крика — Лёва никогда не кричал во время приступа, — а от какого-то дребезжания, частого, мелкого, будто внутри него что-то вращалось слиш-

ком быстро. Я знала этот звук. Все в доме знали этот звук и просыпались от него быстрее, чем от будильника.

Когда я вошла, мать уже была там, на коленях у его кровати, и отец возился с чем-то в темноте, и все двигались тихо и точно, как люди, которые делали это сотни раз. Лёва лежал на спине. Его трясло — не от холода, изнутри, — и кожа была влажная, и губы уже начинали синеть по краям, и грудь ходила часто-часто, будто он бежал, лёжа.

— Лёва, — сказала мать. — Лёвушка. Затихай. Ну. Затихай.

Про его болезнь врачи говорили длинными словами, которые я так и не выучила до конца. Что-то с митохондриями — с крошечными штуками внутри клеток, которые делают из еды энергию. У Лёвы они работали неправильно. «Другая батарейка», — говорил он сам. Иногда его тело будто пыталось разогнаться, дать энергии больше, чем могло, и захлёбывалось, и перегревалось изнутри, и тогда единственным спасением было — замедлить всё. Остановить. Затихнуть.

Он научился этому раньше, чем читать.

Я смотрела, как он это делает. Как он закрывает глаза — сам, без команды, — и начинает дышать по счёту, который знал только он. Медленнее. Ещё медленнее. Втягивает воздух через нос, держит, отпускает — и с каждым разом дрожь становится реже, и дребезжание внутри стихает, и грудь перестаёт метаться. Он замедлял себя, как замедляют падающий волчок ладонью. Гасил. Уходил куда-то вглубь, туда, где

тело почти переставало быть телом, где оно едва тлело, — и оттуда возвращался целым.

Это длилось долго. Это всегда длилось долго. Мать держала его руку. Отец сидел на полу, привалившись к стене, закрыв глаза, и я не знала, спит он или молится, или просто больше не может.

А я стояла в дверях и думала — и мне до сих пор стыдно за эту мысль, я пронесла её через всё, что было потом, — я думала: «Через сорок три дня меня здесь не будет. Через сорок три дня я буду спать всю ночь».

Лёва открыл глаза. Нашёл меня в темноте.

— Аня, — прошептал он. Голос был как бумага. — Я хорошо затих?

Что-то во мне сломалось — тихо, без звука, как ломается тонкий лёд.

Я подошла, села на край кровати. Мать подвинулась, дала мне место. Я поправила ему одеяло, хотя поправлять было нечего.

— Лучше всех, — сказала я. — Ты затихаешь лучше всех.

Он улыбнулся — слабо, но по-настоящему.

— Мама так и говорит. Что я умею затихать лучше всех. — Он помолчал, набираясь сил на длинную фразу. — Это единственное, что я умею лучше всех.

Под подушкой у него что-то было. Он всегда спал с этим. Резиновый водяной медведь — тихоходка, страшненькая, с ножками-обрубками, затёртая до белизны на выпуклых ме-

стах, потому что он держал её в кулаке, когда затихал. Он вытащил её и показал мне, будто я никогда не видела.

— Знаешь, что они умеют? — спросил он, и я знала, знала наизусть, но сказала:

— Что?

— Когда всё плохо. Когда нет воды, или холодно, или совсем нельзя жить. Они высыхают. Совсем. Как будто мёртвые. — Он смотрел на резиновую игрушку с восхищением, с каким другие дети смотрят на супергероев. — И лежат так. Год. Или сто лет. А потом капнешь водой — и они оживают. Как ни в чём.

— Я помню, Лёв.

— Они не умирают, Аня. — Он сжал игрушку в кулаке, закрыл глаза. — Они просто ждут.

Я сидела, пока он не уснул. Я говорила себе, что просто жду, когда он уснёт, чтобы уйти. Но я сидела ещё долго после, в темноте, держа его горячую руку, и грызла ногти свободной рукой, и считала — уже не дни, а его вдохи, медленные, ровные, живые, — и не могла уйти.

Женщину по телевизору я в первый раз почти не заметила.

Это было днём позже, в воскресенье, когда весь дом отсыпался после ночи, и телевизор бормотал сам себе на кухне, а я сидела рядом, потому что там была розетка, и заряжала

телефон, и зачёркивала очередную цифру. Сорок один.

Шло что-то вроде ток-шоу. Студия, ведущий с приклеенной улыбкой, и гости за полукруглым столом, и среди них — она.

Немолодая. Сухая, как ветка. Волосы забраны назад так туго, будто ей было некогда возиться с ними лишнюю секунду. Она сидела чуть отдельно от других гостей — я потом поняла, что она всегда сидела чуть отдельно, где бы ни оказалась, — и говорила ровным, точным голосом человека, который привык, что его перебивают, и научился укладывать мысль в промежутки.

Внизу шла подпись: «Д-р Марина Ковач, астробиолог».

— …проблема не в том, услышим ли мы ответ, — говорила она. — Проблема в том, что мы заранее решили, каким этот ответ будет. Мы готовимся к разговору. А контакт — это не обязательно разговор.

Ведущий улыбнулся шире.

— То есть вы всерьёз полагаете, Марина Сергеевна, что если к нам кто-то прилетит, он не захочет с нами даже поговорить?

— Я полагаю, — сказала она, — что «захочет» — это человеческое слово. Оно предполагает, что у той стороны есть желания. И что мы для неё — тот, с кем разговаривают. — Она чуть подалась вперёд. — Молчание — не всегда тактика. Иногда молчание значит только то, что в доме никого нет.

Студия засмеялась. Не зло — снисходительно, как сме-

ются над чудачкой, которую позвали для оживления эфира. Кто-то из гостей вставил шутку про то, что доктор Ковач, видимо, давно ни с кем не разговаривала, если считает молчание нормой, — и засмеялись громче.

Она не улыбнулась. Она посмотрела в зал спокойно, как смотрят на погоду.

Я взяла пульт, чтобы переключить. Мне было семнадцать, и мне было всё равно, прилетит к нам кто-нибудь или нет; у меня был свой отсчёт, свой отъезд, своя нить, которую нужно было перегрызть, — и какая-то сухая тётка в студии, над которой смеялись, была для меня просто фоном, шумом, розеткой рядом с диваном.

Я до сих пор помню, как мой большой палец лёг на кнопку.

Я переключила канал. И потом ещё лет — если считать в моей прежней, детской единице измерения — я думала об этом жесте. О том, как легко было не услышать. О том, что весь мир в тот день держал большой палец на кнопке.

Небо изменилось во вторник.

Я запомнила день, потому что во вторник я отводила Лёву на укол — раз в две недели, всегда по вторникам, — и мы возвращались через двор, когда я заметила, что люди стоят.

Не идут. Стоят. У подъездов, посреди дороги, на детской площадке — задрав головы. Женщина с пакетами. Двое ра-

бочих, бросивших носилки. Старик без шапки. Все смотрели вверх, в одну сторону, на юго-восток, туда, где над крышами, над водонапорной башней, над всем, что я привыкла считать высоким, — было что-то.

Сначала я подумала — облако. Странной формы, слишком ровное по краю, слишком тёмное для облака в ясный день. Оно стояло над горизонтом неподвижно, и от него не шло ни звука, и это было первое, что было неправильно: такая огромная вещь — а тишина. Самолёт гудит. Гроза рокочет. А это молчало.

— Аня, — сказал Лёва. Он держал меня за руку крепче обычного. — Что это?

— Не знаю, — сказала я.

— Оно далеко?

Я не знала, как ответить. Оно было далеко — и всё равно занимало полнеба. Значит, оно было не далеко. Значит, оно было огромным настолько, что «далеко» переставало иметь смысл.

Телефон в кармане завибрировал. Раз, другой, третий — сообщения посыпались одно за другим, и я вытащила его, и увидела, как экран заполняется чужой паникой: ссылки, обрывки, заглавные буквы. «ВЫ ВИДЕЛИ». «ЧТО ЭТО». «НАД ГОРОДОМ». И новостные строки, набранные наспех, противоречащие друг другу: неопознанный объект, атмосферное явление, никакой опасности, оставайтесь дома, не паникуйте.

Никто не знал. По тому, как захлёбывались новости, я поняла: никто не знал ничего.

Я подняла глаза от телефона. Двор молчал вместе с небом. Даже дети на площадке перестали кричать — стояли, задрав головы, забыв про качели. Женщина с пакетами тихо опустила их на асфальт, будто ей вдруг стало не до них.

И я вспомнила — не мыслью даже, а холодком под кожей — сухую тётку из студии, над которой смеялись. «Молчание значит только то, что в доме никого нет».

— Пойдём домой, — сказала я, и голос вышел чужой.

Лёва не двинулся. Он смотрел вверх, и на лице у него не было страха — было то самое внимание, желание разобрать и посмотреть, что внутри.

— Оно тихое, — сказал он. — Аня, смотри, какое оно тихое.

Я потянула его за руку. Мы пошли домой, а тень над юго-востоком не двигалась, не гудела, ничего не требовала — просто стояла, огромная и молчащая, и от её молчания у меня немели пальцы.

Я не зачеркнула в тот вечер цифру в телефоне. Не потому, что забыла.

Просто впервые за долгое время сорок дней до отъезда перестали быть тем, что нужно считать.

Часть 2. Жатва

К утру среды оно встало целиком.

Ночью его не было видно — только зарево там, где оно закрывало звёзды, чёрный провал в звёздном небе, будто кто-то вырезал ножницами кусок. А на рассвете, когда встало солнце, встало и оно, и весь город вышел на улицы и балконы, чтобы увидеть.

Это был не корабль. Слово «корабль» предполагает нос, корму, что-то, сделанное для движения, для нас понятного. Это был — хребет. Горный хребет, поднятый в небо и поставленный там, где ему не место. Оно тянулось от края горизонта до края, серо-стальное, изломанное, с гранями размером с город, и не отбрасывало правильной тени, а лежало на земле пятном сумерек, в котором тонули целые районы. Оно стояло так высоко, что верхние его грани ловили солнце, которого внизу, у нас, ещё не было.

И оно молчало.

Три дня оно молчало.

Мир в эти три дня делал то, что свойственно людям. Мир готовился. По телевизору — который теперь не выключался ни в одном доме — показывали, как поднимают в воздух самолёты, как выдвигают к окраинам машины с длинными стволами, как в столицах собираются люди в костюмах, чтобы решить, что говорить, когда с той стороны заговорят.

Одни готовили войну. Другие — переговоры. И те и другие исходили из одного: что напротив — кто-то. Равный. Враг, которого можно испугать. Собеседник, которого можно убедить. Субъект.

Отец не отходил от экрана. Он сидел в куртке, как всегда, будто в любую минуту мог понадобиться, и смотрел, как военные аналитики чертят стрелки, и качал головой.

— Ничего они не знают, — говорил он. — Смотри, как уверенно врут. Ничего не знают.

Мать держала Лёву при себе неотступно. Она и раньше держала, но теперь — как держат, когда над домом собирается гроза: чтобы под рукой. Лёва один не боялся. Он рисовал хребет в небе цветными карандашами, снова и снова, и все его рисунки были неправильные, потому что настоящий хребет нельзя было уместить на листе, но он рисовал, высунув язык от усердия.

— Оно не злое, — сказал он мне на второй день. — Знаешь почему? Злое бы уже что-нибудь сделало. А оно просто стоит.

— Может, оно думает, — сказала я.

— Не-а. — Он закрасил ещё одну грань серым. — Думают, когда решают. А оно уже всё решило. Оно просто пришло.

Я тогда не поняла, что он сказал. Он и сам, наверное, не понял. Но он был ближе всех к правде — восьмилетний, с языком набок, — потому что смотрел на небо без нашей

главной ошибки. Мы все смотрели вверх и спрашивали: «Чего оно хочет от нас?» А он спрашивал только: «Что оно такое?» И это были очень разные вопросы.

Ту женщину — Ковач — я увидела снова на третий день, в последний раз перед тем, как всё началось. Её вытащили в прямой эфир, видимо, вспомнив, что она из тех немногих, кто говорил о таком раньше. Она выглядела так же — сухая, отдельная, — но теперь студия не смеялась. Теперь её слушали, потому что больше слушать было некого.

— Вы всё ещё считаете, что оно не станет с нами говорить? — спросил ведущий, и в голосе уже не было улыбки.

— Я считаю, что оно, возможно, не видит, с кем тут говорить, — сказала она. — Мы всё это время задаём один вопрос: враги они или друзья? Но это наш вопрос. Он предполагает, что мы — сторона. — Она смотрела прямо в камеру, будто говорила не студии, а каждому в отдельности. — А что, если мы не сторона? Что, если для того, кто пришёл, мы вообще не «кто», а «что»?

— Что вы имеете в виду?

— Я имею в виду, — сказала она, и голос её впервые дрогнул, — что бывает контакт, который не разговор и не война. Бывает контакт, который — сбор урожая.

Ведущий открыл рот, чтобы ответить.

Он не успел.

Спуск начался без предупреждения, потому что предупреждать было некому и незачем.

Я стояла у окна, когда от нижних граней хребта отделилось первое. Их было много — не понять сколько, они сыпались вниз медленно, лениво, как семена с исполинского колоса, и разлетались над землёй, каждое к своему участку, размеренно, по сетке, будто небо расчертили заранее.

Сборщики.

Я не знала тогда этого слова. Мы все потом стали называть их так, но в ту минуту у меня не было слова — было только то, что я видела, а видела я, как одно из них снизилось над полем за окраиной, за последними домами, над жёлтой стернёй, где летом росла пшеница, — и поле исчезло.

Не сгорело. Не взорвалось. Исчезло. Только что была земля, бурая, убранная под зиму, — и вот на её месте голый серый грунт, гладкий, будто соскоблённый, а над ним поднимается что-то похожее на снег. Мелкое, серое, лёгкое. Оно висело в воздухе и медленно оседало, и я поняла с ужасом, от которого свело живот, что это и есть поле. То, что от него осталось. Прах.

— Мама, — позвала я. Голос не слушался. — Мама, иди сюда.

Она подошла. Посмотрела. И я услышала, как она перестала дышать.

Сборщик над полем двинулся дальше, к следующему участку, ровно, без спешки, и за ним оставалась серая гладь

и оседающий пепел, и он снимал землю слой за слоем, как снимают кожу, — леса, поля, посадки вдоль дороги, всё, что было живым и зелёным даже сейчас, в конце осени, — всё это уходило в ничто и поднималось прахом.

— Они убирают, — сказала мать шёпотом. — Господи. Они нас… убирают.

Отец уже был у двери.

— Уходим. Собирайтесь. Быстро. Лёва, куртку. Аня!

Я не двигалась. Я смотрела, как ближайший сборщик — тот, что шёл вдоль нашей улицы, — приближается, и как перед ним по тротуару бегут люди. Я видела их сверху, со второго этажа: они бежали от него, как бегут от волны, и это было бесполезно, потому что он двигался не быстро, но неотвратимо, и над ним — я увидела это впервые и не смогла отвести глаз — плыл свет.

Он не был ярким. Он был холодный, ровный, без блеска — скорее не свет, а взгляд. Он стелился над бегущими, скользил по спинам, и там, где он проходил, люди…

Я не могу описать это правильно. Я пробовала потом много раз и не смогла. Они не падали. Они переставали быть. Свет касался бегущего человека — и на бегу, в середине шага, человек рассыпался, и оставалась только одежда, оседающая на асфальт пустой тряпкой, и над ней — тот же серый снег, что и над полем. Куртка. Ботинок, откатившийся в сторону. Пепел.

Как отработка. Как то, что остаётся после того, как забра-

ли нужное.

— АНЯ! — Отец схватил меня за плечо, рванул от окна. — Уходим, сейчас же!

Мы бежали по лестнице — я, Лёва на руках у отца, мать сзади, — и дом дрожал, и снаружи не было ни грохота, ни сирен, только эта страшная тишина, в которой слышно было, как оседает пепел. Мы выбежали во двор, в толпу, которая уже не была толпой, а была стадом, бегущим в никуда, потому что бежать было некуда — сборщики шли со всех сторон, размеренно смыкая сетку.

Отец бежал впереди, к арке между домами, к переулку, где, может быть, был просвет. Я держалась за его куртку. Лёва смотрел назад, через его плечо, прямо на приближающийся свет, и лицо у него было — я запомнила это навсегда — не испуганное. Знающее.

Он начал затихать.

Я почувствовала это по тому, как обмякла его рука в моей. Он делал то, что делал всегда, когда становилось совсем плохо, — уходил вглубь, гасил себя, замедлял. Инстинкт. Тело, привыкшее спасаться единственным доступным способом.

— Лёва, не сейчас, — сказала я на бегу. — Держись, слышишь, не отключайся, держись за меня…

Мы почти добежали до арки.

Свет догнал нас за три шага до неё.

Я не видела, как это случилось, — я смотрела вперёд, на арку, на просвет. Я только почувствовала, как исчезла тя-

жесть куртки в моём кулаке. Отец бежал впереди меня — и вдруг его не было. Была пустая куртка, оседающая на землю, и Лёва, выпавший из растворившихся рук, — я поймала его, не думая, у самой земли, прижала, — и был ботинок отца, откатившийся к стене, и серый пепел, поднявшийся там, где секунду назад был человек, который нёс моего брата.

Мать закричала за спиной. Один раз. Коротко.

Потом не было и крика.

Что-то ударило нас — не свет, воздух, толчок от него, — и швырнуло в сторону, в узкий провал между аркой и мусорными баками, в бетонный закуток, куда не заглянуло солнце и куда, как оказалось, не заглянул сборщик. Я упала на Лёву сверху, накрыла его собой, вжалась в холодный бетон, и над нами прошёл свет — я видела его край в полуметре от своего лица, ровный, безразличный, читающий, — прошёл и не нашёл нас. Пропустил. Скользнул по стене и ушёл дальше, за арку, туда, где ещё оставались бегущие.

Я лежала, не дыша. Подо мной, тоже не дыша, лежал Лёва — затихший до предела, едва тёплый, почти неотличимый от неживого.

Пепел оседал на нас сверху. Я не знала, чей.

Я подняла голову ровно настолько, чтобы увидеть двор. Там, где были отец и мать, лежали две куртки и оседала серая пыль. Сборщик уходил, размеренно, за дома, унося свой холодный свет, и за ним оставалась пустая, соскоблённая земля.

Восемь минут. Наверное, восемь минут прошло с того, как первое семя отделилось от хребта, до того, как я стала единственным, что осталось у Лёвы, и он — единственным, что осталось у меня.

Я не считала эти минуты. Я разучилась считать в ту секунду, когда исчезла куртка в моём кулаке.

Мы пролежали в закутке до темноты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.